

# ИСТОРИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Е.А. Попов

## КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ПРОБЛЕМА ВЫЖИВАЕМОСТИ КАТЕГОРИИ

**Аннотация.** Предметом исследования является категориальная система "культура", используемая в социогуманитарном знании. Обращается внимание на то, что культура – это наиболее часто встречающийся предмет исследования в самых различных научных дисциплинах. От этого внимания к культуре нередко утрачивается чужь исследователя, а сама научная отрасль оказывается в растерянности относительно того, о "какой" именно культуре она ведёт речь. Это явилось основанием для написания данной статьи. На самом деле проблема выживаемости категориальной системы "культура" нуждается в исследовательской рефлексии, поскольку каждый учёный понимает культуру по-своему и применяет к её изучению свои собственные наработки, как раз это обстоятельство и позволяет говорить о том, что необходимо "договориться" учёным о культуре.

В статье применяется главным образом компаративистский приём, который позволяет с учётом тенденций развития современной философии, культурологии и социологии получить ответ на вопрос о выживаемости категориальной системы "культура". Основными выводами проведённого исследования можно считать следующие результаты: 1) в социогуманитарном знании необходимо универсализировать категорию "культура"; 2) особо остро проблема выживаемости рассматриваемой категории стоит в философии, культурологии и социологии, поэтому именно этим отраслям знаний нужно договориться о единой использовании категории "культура" в научных исследованиях самого широкого профиля.

**Ключевые слова:** культура, общество, философия, культурология, социология, познание, человек, ценности, наука, цивилизация.

**Review.** The subject of the present research is the category of culture as it is used in social studies and humanities. The author of the article pays attention to the fact that culture is the most frequent research subject in all kinds of sciences. Somehow this makes a researcher lose his intuition and the academic community to feel confused about what 'culture' is meant in a research in particular. This is what has formed the basis for the present research. Indeed, the question about whether the category of culture survives the methodic doubts is highly important. Every scientist has his own understanding of culture and therefore applies his own practices to such research and this is the circumstance that emphasizes the need for scientists to reach a certain agreement regarding the definition of culture. In his research Popov has used mostly the comparative method that allows to answer the question about the survival of the category of culture taking into account the trends of modern philosophy, cultural studies and sociology. The main conclusions of the research are the following: 1) socio-humanitarian sciences need to universalize the category of culture; 2) philosophy, cultural studies and sociology are the disciplines where the problem of the category's survival is especially pressing and therefore representatives of these sciences need to agree on a common definition of culture in their researches.

**Keywords:** values, people, cognition, sociology, cultural studies, philosophy, society, culture, science, civilization.

**К**ультура минус или культура плюс. О культуре всегда писали и пишут достаточно много – и пространно, и скромно, но вполне весомо и значимо; от этого векто-

ры или акценты повышенного внимания к культуре утверждались в разных научных дисциплинах, во множестве исследований по самому широкому кругу проблем. Кажется, что именно по этой при-

чине – прежде всего, от такого интереса к культуре – сегодня практически нет никаких тайн в этом феномене. Но дело в том, что недостаточно просто дать определение культуре или «привязать» к ней какое-либо актуальное исследование. Как известно, «выход» на культуру может обнаружить себя в совершенно любом научном труде – и посвященном охране здоровья, к примеру, и сравнительному анализу систем управления. Отношение к культуре как фону многих протекающих в мире социальных процессов стало вполне устойчивым; вряд ли учёный из любой сферы познания пропустит возможность использовать понятие культуры в характеристике многих и многих (если не всех) явлений окружающей реальности и виртуального пространства. В такой ситуации оказываются в некотором замешательстве те исследователи, которые не утрачивают желания представить ход развития культуры не просто как набор сменяющих друг друга этапов и связанных с этим трансформаций ценностей и норм, а скорее как универсальную для обществ и человечества в целом систему бытия.

Сама по себе культура в отрыве от человека и общества предстает как каркас, в котором можно разместить любую форму жизни или наполнить любым содержанием. Конечно, многие на этом спекулируют, нанося травму и человеку, и самой культуре (теория «культурной травмы» П. Штомпки, как известно, обращена к человеку и как к объекту культуры, и как к её субъекту; а теперь речь ведут даже о дискурсе культурной травмы [1]). А кроме того, в том случае, если не находится достаточно веских аргументов в доказательство какого-то научного положения или же в обоснование какой-либо концепции, можно использовать понятие культуры как фактора смены парадигм, взглядов, идей, ценностей и норм. Научные и околонучные спекуляции на культуре продолжают довольно продолжительное время в разных науках; под спекуляцией мы имеем в виду не то, что авторы исследований выдают желаемое за действительное, а науки это направление, так сказать, развития подхватывают и идут с ним вперёд, а скорее то, что к культуре причисляют невероятное количество разнообразных явлений и феноменов. Конечно, при желании можно было бы выдвинуть тезис, согласно которому любой феномен так или иначе имеет отношение к культуре, являясь либо её «прямым» продуктом, либо опосредованно созданным при «участии» культуры. Таким образом, «вопрос о культуре» нельзя назвать закрытым только лишь

на том основании, к примеру, что все науки культуру исследуют либо, так или иначе, касаются её проблем и, следовательно, им вполне по силам установить пределы культуры и зафиксировать её содержание. По-видимому, напротив, чем более предметно культура исследуется и чем больше она становится привлекательнее как объект изучения, тем заметнее растерянность самого исследователя. За этим его состоянием скрываются, как нам кажется, по меньшей мере две вещи: во-первых, крен в прикладную науку чаще всего ставит ученого перед необходимостью изучать крушение старых или традиционных или же приращение новых ценностей и норм, но при этом не устанавливая системные связи между ними. А во-вторых, «онтологизация» культуры направляет исследователя в философские глубины, но он не готов идти так далеко и делать такие обобщения, которые затем, возможно, предстоит отстаивать в серьезных дискуссиях.

Следует ли из сказанного, что исследования культуры в общем-то носят фрагментарный и поверхностный характер? Разумеется, нет, однако сложившаяся в последнее время тональность таких исследований под знаком кризиса и упадка формирует и соответствующее реноме исследователя, и удельный вес самой науки. Вообще говоря, не редкость в социогуманитарном знании тенденция предсказывать или констатировать пороки и тёмные стороны социального развития или чего-либо иного. От того, что культуру «препарируют» на ценности и нормы, не устанавливая при этом широту и глубину их связей и влияния на эпоху и мировоззрение, а к тому же вычлениют, прежде всего, характеристики кризиса и упадка, чтобы показать бессилие или порочность общества и человека, культура перестаёт быть надеждой общества и людей на выживание. А кроме того, и надёжным каналом передачи социального опыта от поколения к поколению. Культуру в этих процессах ничто заменить не способно, но поиск иных путей передачи социально значимой информации не останавливается. Возможно, речь идёт о создании программируемых «метакультур», главная цель которых как раз и будет состоять в транслировании опыта, но при этом не будет необходимости дожидаться обратного ответа – как этот опыт был принят поколением, каким образом воплощен в жизнь и как способствовал адекватному привитию новых ценностей и норм или закреплению традиций. «Создание программ современной русской

метакультуры – достойная задача гуманитарной инженерии» [2, с. 23]. Как видим, инженерный подход к пониманию культуры – вполне допустимая вещь, тем более, если он сформирован в рамках определённого научного направления (правда, саму гуманитарную инженерию ещё нужно отстаивать в споре наук за «свой» объект исследования). По этому поводу отметим всё же: если культура и состоит из каких-либо программ, то их изучать прикладным дисциплинам куда проще, поскольку вычлняются атрибутивные характеристики или элементы культуры, которые поддаются счёту и могут быть обобщены в таблицах и графиках. Однако обоснование механистичности культуры нуждается в веских аргументах, ибо в таком виде она предстает как совокупность чего-то, а точнее всего – субстанциального, трансцендентного, духовного, материального. В этом смысле культура – везде и всюду, объясняет промашки человечества и в то же время организует реальность «для человека» или вопреки ему. Масштаб культуры иной всё же. И нужно предостеречь начинающего учёного от того, чтобы не начать размышления о культуре с попытки определить её как совокупность чего бы то ни было. Как только это прозвучало, сразу закрадывается сомнение, а идёт ли здесь речь именно о культуре, а не о каком-то ином феномене или процессе? Поэтому исследователю не стоит рассчитывать на легкий маршрут, если он решается на исследование культуры.

В современной социогуманитарной науке культура как объект изучения раздвоилась: одна – для отчёта о кризисе ценностей и норм, другая – для описаний разнообразных «комплексных» явлений и процессов; для этого специально были отобраны категории, совмещающие ракурсы оценки, – социокультурный, культурно-социальный, культурфилософский и т.д. Получается, что и самой «чистой» культуры не осталось, к ней всё время спешат «приделать» некие новые свойства, чтоб и она была комплексным явлением. Собственно, с подачи постмодерна с его установкой на сокрушение традиций сравнительно просто «отказывались» от всего – и от культуры тоже. Все силы были брошены на построение концепции постмодерна и утверждение главного его свойства – беспримерной и намеренной и всесокрушающей переоценки ценностей. Теперь постмодерн забыт, а переоценка ценностей, пожалуй, продолжает оставаться одним из способов столкновения общества, человека и культуры. «Комплексный» смысл культуры обна-

руживается тогда, когда она рассматривается как неотъемлемая часть общественных отношений, не как фон, на котором эти общественные отношения разворачиваются и протекают в заданном направлении, а именно как участник этих взаимодействий.

Конечно, в условиях, когда культуру одновременно и легко, и трудно понять, разворачивается настоящая «терминологическая борьба за культуру»: например, «социология культуры, – отмечает Г.Н. Бибииков, – ставит своей целью описание и анализ культуры в аспекте включенности культурных компонентов в социальную жизнь общества и его подсистем (культура труда и быта, политическая, экономическая культура), т.е. как особого предмета социологического изучения» [3, с. 19]. Культура как *особый* предмет исследования; скорее всё же в этом бунт наук, а не только терминологическая борьба. Каждая наука видит свою «особость» культуры. Дальше других в этом вопросе продвинулась философия, и продвинулись философы. «Взаимодействие бытия вообще и человеческого бытия сопровождалось формированием смыслов, окультуривавших пространственно-временной континуум» [4, с. 38]. «Окультуривание» необходимо пространствам и временам, людям и их нравам; назрел вопрос о культурно подготовленных обществах; раз необходимо мир окультуривать, прививать культуру, то общества нужно подготавливать к этому, чтобы ценности и нормы закрепились. Кто должен осуществлять такую подготовку и в какой степени – это лишь несколько актуальных вопросов, требующих ответа, однако «не вызывает сомнения, что культурно подготовленные общества (курсив наш. – Е.П.), где большинство социальных групп, представляющих различные слои, интересы, осознанно воспринимают необходимость рецепции, способны к более быстрому осознанному восприятию новых ценностей» [5, с. 51]. Быстрое и осознанное восприятие ценностей – это настройка и самой культуры (ценности должны быть «облегченными», близкими культурным универсалиям), и субъектов культуры – её носителей (они должны доверять тем, кто передаёт им новые ценности, а это возможно только лишь в межпоколенном взаимодействии). Вообще говоря, употребленное здесь слово «быстрое» – это скорее для отражения состояния человека – он, действительно, быстро меняется, балансируя между общественным и индивидуальным, но вряд ли для культуры. Если и культура быстро будет меняться, то не избежать

появления противоречий, не всегда разрешимых. Конечно, никто не забывает о другой характеристике культуры – её возможном кризисном или застойном состоянии, если она не будет отзывчива на изменения в реальности. Но между тем скорое принятие новых ценностей и норм ещё более приближает культуру к этому состоянию кризиса, чем запоздалый отклик на изменения в мире или сохранение традиционных ценностей и норм.

*Философия и культурология.* Конечно, если кто и стоит за «чистоту эксперимента», так это философия и, пожалуй, культурология. Или вместе, или по отдельности, но вблизи друг друга. Если остальные научные отрасли, отстаивая, например, свою индивидуальность в объектно-предметном плане, культуру «примеряют» к своей методологии и методам, философия стоит на «онтологизации». И это чрезвычайно важно и для науки, и для самой культуры, нуждающейся в поддержке. Очень часто культуру подстраивали или пристраивали к явлениям, которые нуждались в окультуривании, в приближении к человеку, к обществу. До сих пор можно встретить подобную «отмашку»: культура – это всё, что сделано руками человека. Не стоит, разумеется, здесь иронизировать по поводу того, что «руки крюки» создают определённый тип культуры, но всё же для понимания истинного положения вещей не обойтись без философского обобщения. Хотя и в этом случае нужен трезвый взгляд на вещи.

А между тем, «одна из особенностей философского дискурса – необязательность окончательных ответов: его суть, скорее, в том, чтобы показать разнообразие возможных вариантов, а качество определяется последовательностью и обоснованностью интеллектуальных шагов. Позитивный прирост философского знания сам по себе может состоять в правильной реконструкции той или иной проблемы, с использованием как разнообразных приёмов интеллектуального творчества, так и результатов, полученных предшественниками и современниками» [6, с. 24]. Очень важное замечание, в соответствии с которым «вопрос культуры» для философского анализа как будто тоже не может рассчитывать на окончательный ответ. С одной стороны, философия препарирует культуру довольно глубоко и что чрезвычайно важно – в системе координат *человек – общество*. Иные науки такой мостик или перебрасывают с трудом, потому что идут по пути «центрирования» знания, замыкания знания на ключевом объекте для исследования, другие, находясь под воздействием своего

главного метода (например, исторического), видят культуру как срез общественного развития на определённом этапе. Разумеется, у всех них есть своё кредо, и они ему не противоречат, но всё же мозаичности изучению культуры добавляют. Поворачивая её (культуру) и так, и этак, науки видят в ней «свою» ценность; поэтому многолика культура находит своё применение в экономике (экономическая культура), в юриспруденции (правовая) и т.д. Что же философия? Наверное, вопрос культуры можно было бы отнести к ряду проклятых вопросов философии, так и не получивших ответа и уже, как кажется, не имеет смысла надеяться на эти ответы; да и следует, по-видимому, оценить прелесть такого проклятия для науки – если нет окончательного ответа, значит, открываются всё новые и новые горизонты для исканий. Вместе с тем, культура бьёт все рекорды – более двух тысяч определений. И это ещё не предел. Почему невозможно остановиться? Расхожее утверждение, что каждый исследователь видит *свою* культуру, равно как и каждый человек представляет её по-своему, провоцирует ситуацию безвременья – культура не для научной работы и не для отговорок страдающего человека, который, к примеру, из-за утраты душевного спокойствия винит культуру во всех грехах. Здесь следует обратить внимание, по крайней мере, на две вещи: во-первых, есть культура «для исследования» – каждый учёный имеет представление, куда пойти и где обнаружить слом ценностей и норм для демонстрации своей концепции (иными словами – найти *свою* культуру). Во-вторых, есть культура как некий ареал обитания человека, и основной поток коннотаций возникает именно по этому поводу. «Культура... способствует направлению, обогащению, развитию человека и его индивидуальных переживаний» [7, с. 48]. Вот именно – индивидуальных. Поток культуры, череда представлений о культуре формируется индивидуальными потребностями человека; ведь культура в повседневной жизни человека – это и поход в театр, и плохое или хорошее воспитание ребёнка, и задержки зарплаты на заводе. Такая культура будет многозначной – и в этом случае и 2000 определений будет немного. Когда исследователи ранжируют культуру по временам и нравам, территориям и климатическим поясам, каждый человек видит *свою* культуру, которая отражается в его собственной жизни и в жизни его семьи. Не философский подход? Возможно. Однако это оповседневнивание культуры необходимо для её выживания. Культура музейная, архивная, са-

лонная, высокая, элитарная – для политики и политеса, а обыденная, на уровне повседневной жизни – для человека. И в этом смысле культура как совокупность всего, что сотворено руками человека, куда более близка и понятна каждому.

Употребительность культуры как термина в широком обиходе науки настораживает. Диссертанты немного отстраненно, но довольно часто используют оборот «уточнено понятие», подводя под эту задачу целое исследование. Полагаем все же: чтобы уточнить, что такое культура, пожалуй, нет надобности проводить научное изыскание – культура вокруг нас. А вот глубины постижения данного феномена явно недостаёт, поэтому на волне, главным образом, междисциплинарности и разные науки, и учёные, их представляющие, включаются и в терминологическую борьбу за культуру, и в дискуссии относительно культуроцентричной ориентации научных областей. Вот находим у юристов: «Духовные факторы должны стать...практическими критериями оценки повседневного поведения человека, любых публично-значимых действий, в том числе политических и правовых, распространяющихся на все отрасли и сферы жизни и развития общества – экономику, здравоохранение, культуру...» [8, с. 22]. Очевидно, культура здесь в ряду других социально значимых сфер рассматривается с институциональной позиции, а «духовные факторы» как обстоятельство практически вынужденного «поворота» к культуре – духовные факторы в выступлении политика или в принимаемых им решениях, равно как и духовность в повседневной жизни людей, искать вряд ли целесообразно. Но уже то примечательно, что в правоведении всё чаще это *духовное* так или иначе находит применение. А вот утверждает доктор экономических наук: «...само представление о духовности как особом способе мироощущения есть разновидность общего знания, тогда как все экономические решения – действия, основанные на частных знаниях. В этом смысле духовный и экономический миры противостоят друг другу...» [9, с. 147]. Есть ощущение, что культура – это нечто мимолетное; она пребывает в каких-то взвешенных состояниях, нуждающихся в измерении, испытании, адаптации, приложении к чему-то другому.

Попытки смешать всё в культуре или, напротив, противопоставить культуру человеку ли, обществу ли выглядят как спекуляция на общечеловеческом и собственно не имеющем цены. Однако «границы между индивидом и культурой могут

быть противоречивы и болезненны» [7, с. 54]. Конечно, человек беззащитен, культура также испытывает необходимость в поддержке и защите как со стороны общества и государства, так и со стороны человека – носителя культуры, а также исследователя. А между тем не только понятия культуры серьезным образом разрастаются и засоряют подчас науку, но и появляются производные термины, смысл которых неочевиден и явно нуждается в рефлексии. Здесь можно назвать череду таких опытных образцов – мультикультурализм, метакультура и т.д. Своеобразный итог этому словообразованию подвёл М.Н. Эпштейн: «Культуроника – гуманитарная технология, изобретательская и конструкторская деятельность в области культуры, активное преобразование культуры как следствие или предпосылка её теоретических исследований» [10, с. 43]. Этим, собственно, всё и сказано – в изучении культуры как будто необходимы и изобретения, и технологии. Понятно, что можно в этом усмотреть отсылку к методам исследования культуры, но теория зашла в тупик – перепроизводство смыслов вокруг одного и того же феномена вряд ли можно признать удачным вектором развития социогуманитарной науки.

Но есть специальная научная область – культурология, явление которой, как мы полагаем, должно дать ответы на ряд вопросов относительно культуры и тенденций её развития (к слову сказать, Эпштейн изобретательно высказался о культуронике, имея в виду, возможно, пророст нового знания). Примечательно то обстоятельство, что «терминологическая борьба» не становится более продуктивной от того, что все новые области знаний проникаются желанием полноценно изучать феномен культуры. Нельзя сказать, что кому-то это удаётся лучше, где-то есть заметные прорывы, а кто-то явно не успевает, отталкиваясь от устаревших и косных представлений и концепций. Собственно, упомянутая борьба за культуру упирается и в «парадигмальный конфликт», который обнаруживает «наличие существенных противоречий между общими суждениями о явлениях прошлого в двух или более исторических описаниях» [11, с. 159].

Одним словом, у любой из современных наук, избравших для себя путь исследования культуры, должны быть разящие аргументы и в то же время трепетное отношение к изучаемому объекту, чтобы он в одночасье не превратился в серый оттенок социальных процессов и общественных отноше-

ний. На этом ли или каком-то ином пути находится культурология. Она, как и другие сферы познания тоже, и близка философии, и удалена от нее. Главный приоритет культурологии, пожалуй, состоит в том, что она обращена к динамичным изменениям, происходящим в культуре. Если философия открывает завес и создаёт пространство для обмена мнениями («философия как самосознание культуры» [12, с. 7]), то культурология устремляется этот занавес удержать, чтобы он не встал на место. Но беда культурологии, как, по-видимому, и любой другой науки, состоит в том, что она начинает заниматься самолюбованием и не замечает, как постепенно утрачивает свой ярчайший потенциал. Разумеется, это никакой не приговор для науки, а лишь повод поразмыслить о том, почему нередко изучаемый объект плавно уходит на второй план, а переоценка собственных наработанных концептов и концепций начинает довлеть.

Так происходит увеличение масштаба теоретизирования и философствования по поводу культуры. Польза такого опыта заключается в том, что наука «не даёт» культуре превратиться в слепок с действительности, но и недостаток всё же имеется: и в том, и в другом случае наработка новых теорий неизбежно приводит к «парадигмальному конфликту». И в рамках этой статьи мы не даём ни одного определения культуры, чтобы не способствовать какому-либо конфликту, но вот вопрос – случайно или специально? Культура где-то рядом, она всеобъемлюща, она для человека просто необходима, но в то же время дать чёткий ответ – что она собой представляет и по каким ключевым признакам мы её можем вычленить из социальной реальности или повседневной жизни? – мы не можем. И вот, кажется, рубикон: не было бы, наверное, более дискуссионного утверждения, чем сказать, что культуры не существует или же имеется некий феномен, который одновременно так близок человеку и обществу, и так далёк от них. Речь идёт, по сути, о феномене *Die Kultur als Fehler* – «культура как ошибка» [13, с. 26]. Но кто так думает? Или кто совершил такую ошибку? Подобные вопросы совсем не редкость, но вот имеют ли они должные ответы. Науки не могут признать, что они пребывают в растерянности – что они изучают? как изучают? Вместе с тем поток исследований культуры («шторм культуры») разных профилей и жанров не ослабевает и более того – заметно увеличивается; в чем же тогда растерянность наук? Признание, например, в том, что культура – технология, вовсе не

смущает исследователей, а вот установление того, что культура – фундамент в отношениях общества, человека и государства, а не слепок этого взаимодействия, как будто не является основной целью наук. Есть, как известно, науки об обществе, науки о человеке, науки о государстве, наконец, но вот устойчивого понятия «наук о культуре» пока нет. Философия и культурология лишь приближаются к «самопознанию культуры», но им явно нужно добавить меркантильного интереса в этой проблематике, а именно – получить, как принято говорить, конечный продукт. Системное знание о культуре – вот он каков.

Но, конечно, нужно брать в расчёт также опыт других наук, которые могут сказать и своё веское слово по поводу культуры. Например, социология.

*Социология.* Внимание к культуре, со стороны социологии проявляемое, всегда было обнадеживающим. Социология хотя и является наукой об обществе, но к культуре всегда относилась «социальному». Существовавшая долгое время научная специальность «социология культуры, духовной жизни», по которой защищались диссертации, недвусмысленно совмещала *человечное* (социология культуры) и *общественное* (социология духовной жизни). От культуры в масштабе обмена опытом между поколениями мостик к духовной жизни как «спасению утопающих» в засилии социальных институтов, прочно встроенных и в духовную жизнь, и в материальную, и собственно в культуру, социология перебрасывала в теории и прикладных исследованиях. Определяющий методологический вектор социологии – «к обществу» – был бы для целой и цельной науки несколько односторонним, а вот «обогащение» культурой добавляло и престижности, и перспективности. Таким образом, для современной социологии важнее изучать не общество в отдельности, а его взаимодействие с человеком, культурой и государством. И если, как справедливо полагал А.С. Ахиезер, «сконцентрированный в культуре накопленный опыт превращается в программу воспроизводства, фокусируется в личности, испытывает органическую перестройку, перефокусацию, переосмысление, интерпретацию и т.д.» [14, с. 6], то скорее всего именно социологии подвластно уловить эти процессы и проанализировать их.

Недостаток социальной интуиции, возможно, затрудняет другим наукам путь «приближения» к динамике ценностей и норм, зависимой от вечного конфликта человека и общества. Правда,

социологи в силу своей специализации спешат устанавливать диагнозы обществу по меркам этих противоречий, но зачастую про человека попросту забывают; поэтому для самой социологии и для самих социологов не теряет актуальности «вопрос о человеке». Положительным моментом является хотя бы то, что рефлексия по этому поводу заставляет исследователей всякий раз «оборачиваться» на человека и культуру, а вот парадоксальной вещью следует признать слепую веру в то, что культура – это, по сути, смесь социальных институтов и процессов. Разумеется, здесь должен быть четкий водораздел и никакого смешения допускать нельзя, иначе «слепки» с культуры станут доминировать в качестве объектов для изучения, а не сама культура как явление человека и общества.

Но проблема социологии в этой ситуации в другом – в необходимости сближения с философией и культурологией, когда речь идет о культуре. Возникает своего рода ловушка, когда исследователь находится между социологией и социальной философией и не всегда этого состояния замечает. Ловушка в том, что, по-видимому, появление социологов-философов явно может навредить «чистоте эксперимента», поскольку ученому придется делать обобщения на тему «онтологизации» культуры, что для социологии является серьезным

испытанием. Да, собственно, не дело социологии делать такие обобщения на субстанциональном уровне – так, наверное, должны полагать представители этой научной области. Между тем «социолог должен уметь разводить процессы политического и культурного обобщения... что возможно только при рассмотрении общества как культуры» [15, с. 61]. Как нам кажется, здесь сформулирована центральная мысль социологии об особой роли культуры при изучении социальных процессов (хотя само словосочетание «общество как культура» вызывает вопросы). Кроме того, чтобы запротоколировать этот вектор развития науки, социология демонстрирует изобретательность в появлении различных отраслевых «социологий» – помимо социологии культуры это социология досуга, праздников, искусства и т.д. Но в этом тоже можно увидеть «ловушку» – для того, чтобы подвести научную базу под исследование приведенных феноменов, социологии вряд ли будет достаточно обратиться только к динамике ценностей и норм, а вот «онтологизации» точно не избежать. Следовательно, социологии ещё предстоит дать правдивый ответ на вопрос о том, что такое культура или что от нее осталось в социальной реальности. А в этом она должна рассчитывать на помощь философии и опыт культурологии.

### Список литературы:

1. Камоза Т.М. Дискурс культурной травмы: методологический потенциал нового подхода к исследованию философской мысли эпохи имперской модернизации России // Философия и культура. 2014. № 10. С. 1458-1469.
2. Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Какой посткапитализм нужен России? // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 14-24.
3. Бибииков Г.Н. Терминологическая борьба за культуру: современные подходы к изучению культурных процессов // Обсерватория культуры. 2011. № 1. С. 15-20.
4. Бетильмерзаева М.М. Онтологические и социокультурные основания культуры // European Social Science Journal. 2014. № 5(44). Том 2. С. 37-45.
5. Осин В.Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9.
6. Головкин В.Н. Натурализация метафизики: научный реализм и диалектический материализм // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 24-34.
7. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 46-56.
8. Бринчук М.М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития // Государство и право. 2014. № 10. С. 15-24.
9. Балацкий Е.В. Закономерности и парадоксы социальной эволюции // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 138-150.
10. Эпштейн М.Н. Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают? // Философские науки. 2008. № 12.
11. Розов Н.С. Новая актуальность философии истории и проблема согласования описаний прошлого // Общественные науки и современность. 2014. № 2.
12. Алексеева И.Ю. Научная философия как «культурная система» (О Владимире Николаевиче Ивановском и его идеях) // Вопросы философии. 2012. № 11.
13. Кутырев В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 23-31.
14. Ахизер А.С. Об особенностях современного философствования (взгляд из России) // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 3-17.

15. Гудков Л.Д. Социология культуры: научно-аналитический обзор тематического номера «Кельнского журнала по социологии и социальной психологии» // Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН. М., 2012. № 1(60). С. 40-115.
16. Шиповалова Л.В. Объективность как научная ценность. Или о возможности науки как элемента культуры // Философия и культура. 2014. № 1. С. 12-19. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10401).
17. Долгов К.М. Культура в эпоху глобализации // Философия и культура. 2011. № 9. С. 38-43.
18. Гуревич П.С. Глобализация и мультикультурализм // Философия и культура. 2012. № 8. С. 4-5.
19. Ванслов В.В. Культура и искусство в современном мире // Культура и искусство. 2012. № 3. С. 99-103.

### References (transliteration):

1. Kamoza T.M. Diskurs kul'turnoi travmy: metodologicheskii potentsial novogo podkhoda k issledovaniyu filosofskoi mysli epokhi imperskoi modernizatsii Rossii // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 10. S. 1458-1469.
2. Alekseeva I.Yu., Alekseev A.P. Kakoi postkapitalizm nuzhen Rossii? // Voprosy filosofii. 2014. № 10. S. 14-24.
3. Bibikov G.N. Terminologicheskaya bor'ba za kul'turu: sovremennye podkhody k izucheniyu kul'turnykh protsessov // Observatoriya kul'tury. 2011. № 1. S. 15-20.
4. Betil'merzaeva M.M. Ontologicheskie i sotsiokul'turnye osnovaniya kul'tury // European Social Science Journal. 2014. № 5(44). Tom 2. S. 37-45.
5. Osin V.N. Obshchepriznannye sotsial'nye tsennosti (svoboda, pravo, prava i svobody, gosudarstvo) i pravovoi mentalitet // Voprosy filosofii. 2012. № 9.
6. Golovko V.N. Naturalizatsiya metafiziki: nauchnyi realizm i dialekticheskii materializm // Voprosy filosofii. 2013. № 8. S. 24-34.
7. Kasavina N.A. Ekzistentsial'nyi opyt kak fenomen kul'tury // Voprosy filosofii. 2014. № 10. S. 46-56.
8. Brinchuk M.M. Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya kak metodologicheskaya osnova tsivilizatsionnogo razvitiya // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 10. S. 15-24.
9. Balatskii E.V. Zakonomernosti i paradoksy sotsial'noi evolyutsii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2013. № 2. S. 138-150.
10. Epshtein M.N. Konstruktivnyi potentsial gumanitarnykh nauk: mogut li oni izmenyat' to, chto izuchayut? // Filosofskie nauki. 2008. № 12.
11. Rozov N.S. Novaya aktual'nost' filosofii istorii i problema soglasovaniya opisaniy proshlogo // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2014. № 2.
12. Alekseeva I.Yu. Nauchnaya filosofiya kak «kul'turnaya sistema» (O Vladimire Nikolaeviche Ivanovskom i ego ideyakh) // Voprosy filosofii. 2012. № 11.
13. Kutyrev V.A. Ekologicheskii krizis, postmodernizm i kul'tura // Voprosy filosofii. 1996. № 11. S. 23-31.
14. Akhiezer A.S. Ob osobennostyakh sovremennogo filosofstvovaniya (vzglyad iz Rossii) // Voprosy filosofii. 1998. № 2. S. 3-17.
15. Gudkov L.D. Sotsiologiya kul'tury: nauchno-analiticheskii obzor tematicheskogo nomera «Kelskogo zhurnala po sotsiologii i sotsial'noi psikhologii» // Kul'turologiya: Daidzhest / РАН. ИНИОН. М., 2012. № 1(60). С. 40-115.
16. Shipovalova L.V. Ob'ektivnost' kak nauchnaya tsennost'. Ili o vozmozhnosti nauki kak elementa kul'tury // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 1. S. 12-19. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10401).
17. Dolgov K.M. Kul'tura v epokhu globalizatsii // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 9. S. 38-43.
18. Gurevich P.S. Globalizatsiya i mul'tikul'turalizm // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 8. S. 4-5.
19. Vanslov V.V. Kul'tura i iskusstvo v sovremennom mire // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 3. S. 99-103.